

Александр Проханов (1938)

ЖИЗНЬ—ИЗНЬ—ЗНЬ

Газета «Завтра» №46 (730), 14.11.2007, [ссылка](#)

О спектакле Сергея Кургияна «Изнь»

Я был зван Сергеем Кургияном на этот спектакль, о котором слышал не один год и который всё не появлялся в его экстравагантном и таинственном «Театре на досках». Само оповещение о предстоящем действе велось по интернету. Билеты не продавались, а дарились. Будущие зрители проходили тестирование и собеседование, словно их отбор предполагал выявление в человеческом племени особой, редкой породы, способной воспринять кургияновскую драматургию. Спектакль обещал приоткрыть тайну «Творческого Центра», о котором слывет молва как о закрытом обществе или магическом ордене, собравшем в свое лоно кудесников, прозорливцев, предсказателей будущего, где отдельные человеческие интеллекты и дарования сложились в надличностный разум, многократно усиливающий мыслительные способности каждого. В это можно поверить, знакомясь с блестящей аналитикой «Центра», с работами по метаистории и «организационному оружию», теории развития и исторической роли спецслужб, феноменологии власти и социальному проектированию. Сам Кургиян слывет адептом «красного смысла», метафизиком коммунизма, хранителем той загадочной мистической культуры, которая таилась в глубинах советского строя, и на которую в двадцатые годы намекали труды Красина и Луначарского, а в шестидесятые — исследования Побиска Кузнецова и Эвальда Ильенкова. Той неуловимой энергии, что по сей день брезжит в розовом кристалле мавзолея, в «красном пантеоне» кремлевской стены.

Зал, куда я пришел, был полон на одну треть. Публика была не знакома. Ни завсегдатаев кургияновского «клуба», ни известных театральных критиков, ни вип-персон. Сцена без занавеса, огромный черный куб с едва различимыми конструкциями — то ли обесточенная и обезлюдившая полость космического корабля, то ли производственный цех, где новейшие технологии не требуют людей и источников света.

Начавшееся действо длилось без перерыва три часа. Слабый знаток театра, последние двадцать лет я посещал лишь «театры военных действий», но всё-таки рискую заявить, что явился свидетелем поистине авангардного искусства. Всё, что именуется сегодня авангардом, является либо порчей классики, либо унылыми перепевами Мейерхольда и Брехта. Здесь же авангард стал результатом необычайной по сложности, почти невыполнимой задачи, поставленной мастером. Как если бы автор задумал разыграть в театре формулу $E=mc^2$. Изобразить космические явления. Столкновения космогоний. Встречу Материи и Духа. Схватку Света и Тьмы. Гносеологию, где абсолют рассыпается на бесконечные свои проявления и вновь собирается в непознаваемую сущность. В спектаклях нет характеров, отсутствуют психологические типы. Здесь действуют аллегории, метафоры, символы. Язык спектакля — стихи Кургияна — то ли из-за несовершенной акустики, то ли от галлюциногенного эффекта, воспринимается, как заклинания, череда колдовских заговоров, пение акафистов, переходящее в бульканье, птичий крик, свист ветра. В этих фантастических звуках вдруг улавливаешь фрагмент философского текста, математическую теорему, стих Александра Блока. Актуализируют действие кинокадры расстрела Дома Советов в 93-м и фотография Солдата-Освободителя в Трептов-парке, — символы победы космического Зла над космическим Добром и космического Добра над космическим Злом.

Актеры играют не характеры, а философские и религиозные представления. Их игра — это балет и гимнастика. Ритуалы таинственных обрядов и светомузыка. Руническая графика и воспроизведение древних практик. Угро-финский шаманизм. Тибетские молитвы. Элевсинские мистерии. Месопотамские культы. Весь спектакль являет собой храмовое действие, где исповедуют еще не народившуюся религию. Как во время всякой долго длящейся службы,

происходят эмоциональные спады, прострация, которые вновь сменяются молитвенным напряжением и ожиданием Чуда. По завершении спектакля возникает шок, как от перепада давления, как от моментальной потери нескольких часовых поясов или резкого перехода из Полярной ночи в Полярный день. Спектакль отпечатывается в сознании, как наскальное изображение, как оттиск папоротника на сланце, как след элементарной частицы, разбившейся о нейтрон.

Хотите почувствовать себя расколотым на части нейтроном — посетите спектакль Сергея Кургияна «Изнь».

Конец текста